

Лесков Николай Семенович

Гора

Роман из египетской жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Семенович Л.**
Гора: Роман из египетской жизни / Лесков Николай Семенович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 236 с.

ISBN 978-5-519-93315-5

ISBN 978-5-519-93315-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

леты, стяжки и головные уборы работы Фовела славны были даже въ Антиохіи. Всѣ именитыя женщины обоихъ этихъ роскошныхъ городовъ на-перебой непременно хотѣли имѣть украшенія, сдѣланныя этимъ искуснымъ мастеромъ. Евреи изъ Антиохіи дѣлали ему большіе заказы и, забирая себѣ его утварь, увозили эти художественныя произведенія въ свой городъ и тамъ продавали по чрезвычайно высокой цѣнѣ и наживали большія выгоды. Фовель былъ очень досужъ и трудолюбивъ, но, при всемъ томъ, онъ не успѣвалъ исполнять всѣхъ дѣлаемыхъ ему заказовъ, и недосугъ его простирался до того, что онъ не имѣлъ даже времени ни для какихъ удовольствій и часто ему некогда было даже о себѣ подумать. Ему шелъ уже тридцать первый годъ, и онъ имѣлъ хорошій достатокъ для того, чтобы жить безнуждно съ семьей, а онъ все еще ходилъ холостой, былъ совершенно одинокъ и жилъ въ своемъ уединенномъ, но хорошо устроен-

номъ домѣ за дынными огородами. Въ прислугѣ у него для помощи былъ одинъ непомѣрной силы персіянинъ, который былъ ему беззавѣтно преданнымъ и вѣрнымъ слугою, хотя самъ этотъ человѣкъ былъ язычникъ и ходилъ совершать таинства Митры.

Θовель былъ большой домосѣдъ: онъ любилъ читать и размышлять о высокихъ вопросахъ. Проработавъ цѣлый день, онъ только вечерами выходилъ за порогъ своей мастерской, садился на каменную скамейку подъ широколистнымъ платановымъ деревомъ и отсюда любовался вечернимъ закатомъ краснаго солнца за купы деревьевъ, читалъ сочиненія о высокихъ предметахъ или катался по Нилу, самъ управляя своею баркой подъ клѣтчатымъ шелковымъ парусомъ. По всѣмъ домашнимъ дѣламъ Θовела въ городъ ходилъ и справлялъ ихъ персіянинъ, но въ Александріи, однако, всѣ знали Θовела, не исключая лицъ именитыхъ, и многіе почитали за честь быть

съ нимъ въ знакомствѣ, такъ какъ онъ въ своемъ родѣ тоже былъ знаменитъ,—но *Θовель* былъ скромень и отъ почета всегда удалялся. Богатыя щеголихи *Александрии* шли на-перебой одна передъ другою, чтобы имѣть *Θовела* себѣ для услугъ, и платили очень дорого, лишь бы только перещеголять другъ друга, но ихъ было много, а *Θовель* одинъ, и потому это не помогало. Всѣмъ *Θовель* не могъ служить.

Тогда одна знатная дама вздумала присвоить себѣ искусство художника иначе.

Въ *Александрію* пріѣхала изъ *Антиохіи* одна молодая и чрезвычайно красивая вдова, по имени *Аттосса*. Она была очень богата и до того избалована, что не знала мѣры своимъ прихотямъ и не переносила никакого возраженія и отказа. Воздерживаться и останавливаться въ осуществленіи какихъ бы то ни было желаній было для нея такъ несносно, что она объ этомъ не хотѣла и думать, а цѣль ея по пріѣздѣ въ *Александрію*,

прежде всего, заключалась въ томъ, чтобы превзойти своею пышностью всѣхъ самыхъ роскошныхъ александрійскихъ красавицъ. Отказаться отъ этого суетнаго желанія Аттосса не согласилась бы ни за что на свѣтѣ, такъ какъ вся Антіохія знала ее за самую изящную красавицу, которая своею роскошью и увлекательностью затмѣвала собою всѣхъ иныхъ прекрасныхъ женщинъ, блиставшихъ красой и нарядами на празднествахъ въ роцѣ Дафны. Наряды Аттоссы были прелестны, но чтобы сдѣлать ихъ еще болѣе замѣчательными, она захотѣла имѣть самый лучшій выкованный изъ золота уборъ, какой носили щеголихи въ Александріи, но непременно только чтобы онъ былъ лучше, чѣмъ всѣ подобныя уборы, какіе были до сихъ поръ сдѣланы. Она послала къ Ѳовелу, но Ѳовель отказался придти, сказавъ, что ему недосужно. Аттосса послала за нимъ втораго посла и велѣла ему обѣщать такую плату, какую самъ онъ захочетъ,

но Оовель отвѣтилъ послу: „Скажи твоей госпожѣ, что я работаю сколько могу и сверхъ силы моей не принимаю заказовъ. Всѣмъ угодить я не успѣю, а наблюдаю очередь, и никакая богачка не можетъ предложить мнѣ ничего такого, что бы сбило меня и заставило отступить отъ справедливаго порядка“.

Когда посланные къ Оовелу во второй разъ возвратились безъ успѣха и передали отвѣтъ художника Аттоссѣ, то эта избалованная и непривычная ни къ какимъ возраженіямъ модница впала въ ужасную гнѣвность и дошла до такого безумія, что велѣла подвергнуть суровому наказанію рабовъ, которыхъ посылала къ Оовелу, а для себя приказала сейчасъ же осѣдлатъ бѣлаго мула и приготовить ей длинное и густое покрывало, въ которое могла быть завернута вся ея фигура съ головою.

Аттосса рѣшилась сама отправиться къ Оовелу и во что бы то ни стало принудить художника сдѣлать для нея

самую красивую золотую діадему, съ самыми тонкими и изящными цѣпочками, скованными легко и усаженными перлами одной величины и одного цвѣта.

Оба приказанія Аттоссы были исполнены въ точности: рабы ея, ходившіе безъ успѣха къ Овелу, были наказаны ударами воловьей жилы, а ей былъ поданъ бѣлый мулъ, покрытый роскошнымъ ковромъ съ уздою изъ переплетенной широкой, зеленой и желтой, тесьмы, съ золотистою сѣткой на чолкѣ и съ длинными кистями вмѣсто вторыхъ поводьевъ. У этихъ поводьевъ стоялъ нѣмой сиріецъ изъ Тира, въ яркокрасной, до пятъ его достигавшей, длинной одеждѣ.

Аттосса сѣла на своего мула, и красивый сиріецъ повелъ красивое животное за поводья, не зная, куда его госпожа отправляется. Онъ только оглядывался на свою госпожу при поворотахъ и распустьяхъ и слѣдовалъ мановенію ея опахала.

II.

Θовель, какъ сказано выше, удаляясь отъ шума, жилъ за городомъ въ уединенной красивой мѣстности, до которой было весьма далеко отъ жилища Аттоссы. Дорога сюда шла сначала городомъ, потомъ тѣнистою аллеей, по которой затихало очень сильное движеніе. Аттоссы встрѣчались рабы, несшіе въ паланкинахъ женщинъ, ее съ грохотомъ обгоняли парныя колесницы на мулахъ и на рослыхъ коняхъ съ подстриженными гривами, а потомъ путь становился безлюднѣе и тише. Тутъ Аттосса почувствовала свою неосторожность: она не знала дальше дороги къ жилищу Θовела.

Отъ аллеи начались мелкіе свертки по тропинкамъ въ удоля, утонувшія въ

платановыхъ рощахъ. У одного изъ этихъ свертковъ подъ вѣтвистымъ деревомъ сидѣлъ старый амаликитянинъ и ѣлъ дыню; возлѣ него жевалъ свою жвачку такой же старый верблюдъ. Атгосса спросила у амаликитянина, не знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ Оувелъ, знаменитый искусникъ.

— Я не здѣшній,—отвѣчалъ амаликитянинъ,—но поѣзжай далѣе и ты увидишь подъ деревомъ дѣвочку, которая пасетъ козъ,—та здѣсь живетъ и всѣхъ знаетъ,—она тебѣ можетъ сказать о томъ, кто тебѣ нуженъ.

Атгосса дала знакъ сирійцу, и тотъ повелъ ея мула дальше.

Вскорѣ они увидали широколиственное дерево, подъ которымъ паслись четыре желтыя козы и посреди ихъ сидѣла на травѣ простоволосая, босая дѣвочка въ грубой рубашкѣ изъ холста коричневаго цвѣта.

Атгосса спросила ее о Оувелѣ.

Босоногая дѣвочка потрянула своими синими кудрями и отвѣчала:

— Конечно, я знаю, гдѣ живетъ красивый и добрый Оовель. Я ношу ему молоко отъ нашихъ козъ, и онъ часто даритъ мнѣ дыно и виноградъ изъ своего сада. Ни добрѣй, ни красивѣй Оовела нѣтъ человѣка на свѣтѣ. Поверни вправо по третей тропинкѣ и ты увидишь поляну, съ которой вдали заблестятъ воды Нила, а передъ тобою прямо будетъ садъ, въ томъ саду бѣлый домъ, съ пестрой крышей, и большой мѣдный аистъ надъ входомъ,—это и есть жилище Оовела.

Аттосса взяла указанное направленіе, но опять скоро смѣшалась въ извивахъ тропинъ и могла заблудиться. По счастью, ей встрѣтился человѣкъ, мрачнаго вида, съ треугольнымъ шрамомъ на лбу и съ большою корзиной, въ которой видны были плоды, фляга съ питьемъ и большая красная рыба. Аттосса спросила его о Оовелѣ, а человѣкъ ей отвѣчалъ:

— Я служитель Оовела, но я не могу возвратиться, чтобы проводить тебя къ

нему, потому что я поспѣшаю соединиться со своими единовѣрцами, — мы идемъ справлять таинства Митры. Господинъ мой меня отпустилъ послужить моей вѣрѣ и остался теперь одинъ въ своемъ домѣ. Обгони тотъ большой кустъ розъ и ты увидишь дорожку, которая прямо приведетъ тебя къ его дому. Оувель теперь одинъ, онъ занятъ работою, но дверь въ его мастерскую открыта.

Сказавъ это, персъ показалъ ей, какъ надо проѣхать черезъ поляну, гдѣ зрѣли роматныя дыни, и Аттосса, проѣхавъ межъ спрени, жасминовъ и розъ, увидала вдали, какъ катилъ воды Нилъ, а вблизи, въ чащѣ кустовъ, стоялъ бѣлый домикъ и на немъ, какъ живой, мѣдный аистъ на бѣломъ фронтонѣ. Вокругъ было все тихо; синее небо разстилалось, какъ ровно покрытый шатеръ; солнце горѣло, въ воздухѣ стоялъ зной; на бѣломъ карнизѣ рядомъ сидѣли и пѣли черные дрозды. Вокругъ дома было мно-